

УДК 81'373.424

СЕМЕМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ НОМИНАТИВНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ*

Т. В. Леонтьева

Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург
кафедра русского языка и культуры речи

В статье рассматривается системная организация лексико-семантического поля «Общительность» в русском языке. Материалом исследования являются лексические данные литературного языка и русских народных говоров. Выявляется своеобразие народной картины мира, реконструируемой на основе интерпретации диалектных лексем. Автор приходит к выводу о том, что в деревенском социуме чрезвычайно значима включенность человека в сообщество людей, наличие тесных связей внутри общины, а также качество, позволяющее человеку строить такие связи. В научный оборот вводится ранее не опубликованный материал (данные лексической картотеки топонимической экспедиции Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина).

Ключевые слова: *этнолингвистика, русские народные говоры, социум, общение, общительность.*

Общительность человека является личностным качеством, своеобразие интерпретации которого является в любой культуре определяющим фактором успешной организации социальных взаимодействий, и именно поэтому вокруг данного понятия сконцентрировано множество номинаций: лексем, фразеологизмов. Отношение человека к налаживанию связей со своим окружением, его «включенность в социум» имеют мировоззренческое значение.

Понятия общения и общительности и их обозначения неоднократно становились предметом внимания в лингвистических работах антропологического направления. А. Вежбицка кратко характеризует слово *общение* и его производные в сопоставлении с английскими лексемами: «В русском языке имеется культурное ключевое слово *общение* и связанные с ним слова, такие, как *общаться, общительный, необщительный* или *общительность*. В английском языке таких слов нет. С другой стороны, в английском языке есть важные культурные слова вроде *message*,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

communication, mean (например: «*what did she mean?*») и другие, у которых нет точных эквивалентов в русском языке» [4, с. 7].

Трудность перевода слов *общение, общаться* на другие языки отмечена и А. Зализняк [6, с. 290]. Она указывает на то, что глагол *общаться*, в отличие от его переводных эквивалентов, несет в себе «идею очень неформального взаимодействия» и «имеет референцию к конкретному процессу», т. е. употребляется в актуально-длительном значении – ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’, например: *Она в соседней комнате общается по телефону с Петей* [6, с. 291]. Стилистическая сниженность глагола в этом значении очевидна в сопоставлении предыдущего контекста с предложением *Дети в этом возрасте общаются в основном со своими сверстниками*.

Понятию *общение* посвящено диссертационное исследование М. В. Шамановой, которая определяет его как «коммуникативную категорию русского языкового сознания» [25, с. 6] и утверждает, что эта ментальная единица существенно отличается от концепта. На основании анализа лексики литературного языка, фрагментов художественных текстов, паремий, афоризмов и данных ассоциативного эксперимента она выявляет ряд признаков русского общения: важность, неформальность, эмоциональность, открытость, доброжелательные отношения между коммуникантами, допустимость грубости, информативность, дискуссионность, значимость невербальных средств общения, предпочтительность общения в малой группе. По результатам эксперимента М. В. Шаманова строит ассоциативное поле стимула *общение*, выявляя «психологически реальное значение» этого слова, при этом ассоциаты интерпретируются как семантические компоненты, образующие структуру значения существительного. Сравнение данных, полученных при опросе жителей города и села, показывает, что «жители большого города больше внимания уделяют используемым средствам, оформлению и характеру протекания общения» [25, с. 91], что «наиболее востребованными у жителей села по сравнению с другими территориальными группами являются классификационные признаки *степень активности участников* (данный признак имеет более высокий индекс яркости по сравнению с жителями большого города в 4 раза, по сравнению с жителями малого города – в 2 раза), *источник получения информации* (в 2 раза)», что «сельские жители более внимательны к теме разговора (в 1,3 раза), ко времени протекания общения (в 1,3 раза)» [25, с. 92].

Этнолингвистический ракурс рассмотрения интересующей нас лексики представлен в книге Е. Л. Березович, которая провела детальный анализ диалектной лексики, описывающей характеристики человека по его отношению к другим людям, сравнив диалектные слова с лексемами этой же тематической группы, принадлежащими русскому литературному языку [2, с. 25–27].

Внимание к лексике семантического поля «Общительность» кажется нам неслучайным в свете попыток современной антропологически ориентированной лингвистики описать через посредство анализа языковых данных мировоззрение, т. е. «картины мира», представителей этносов или социальных групп. В настоящей статье вербальные репрезентации понятий

«общительность» и «необщительность» в русском языке – литературной его разновидности и русских народных говорах (это задает определенный ракурс нашему исследованию) – будут рассмотрены в семантическом аспекте.

В числе базовых семем лексико-семантического поля «Общительность» гипотетически должны находиться значения действия («общаться», «общение»), признака («общительный / необщительный») и предмета – субъекта действия («общительный человек / нелюдим»), чему находится подтверждение в ходе анализа состава данного поля в русском языке. Каждая из этих идеограмм концентрирует вокруг себя множество номинаций, образующих сектор лексико-семантического поля.

Поскольку рассматриваемое лексико-семантическое поле включает в себя различные, при этом нередко образующие оппозицию, характеристики человека, его номинативное пространство состоит из двух контрастных лексических множеств – лексико-семантических зон, одна из которых объединяет языковые факты, описывающие склонность человека к одиночеству, закрытости, замкнутости, другая образована лексемами, описывающими иную модель поведения человека в обществе – склонность к активному общению, стремление бывать на людях.

«Раздвоенность» поля вынуждает к поиску такого центра, который представляет собой общую для двух зон семему, способную служить основанием для разделения лексико-семантических зон. Поиск целесообразно вести от трактовки самого понятия.

Так, качества личности реализуются при выполнении человеком какой-либо деятельности. Общительность проявляется в коммуникации, поэтому фундаментом понятий *общительность vs. необщительность* (в этом случае трансформируемых в оппозицию *социальность vs. асоциальность*) является категория «общение». Название процесса (деятельности) максимально отстранено от характеристики человека по признаку способности или неспособности к выполнению этой деятельности, поэтому слово *общение* более всего подходит на роль центра лексико-семантического поля в русском литературном языке. Однако заметим, что в русских народных говорах отвлеченные наименования процесса, т. е. слова со значением «общение», отсутствуют. Само слово *общение*, имея статус общенародного (ср.: *общенье* «действие по глаголу, сообщенье, сообщество, взаимное обращение с кем» [5, т. II, с. 654]), по понятным причинам не фиксируется в диалектных словарях дифференциального типа. И все же этот факт имеет не только формальную причину: носители русских народных говоров действительно нечасто прибегают в речевой практике к существительному *общение*.

Эта лакуна в диалектном лексическом фонде компенсируется сильной позицией семемы «общаться». Глаголы с таким значением могут:

1) описывать личные, дружеские отношения между людьми или между семьями внутри общины: перм. *етáшиться* – «иметь дело, дружить; водиться» (*Олешиа не еташился с нами. Бывало, и скажем: «Чё ты с нами не ходишь, не еташишься?»*) [16, 1, с. 251], костром. *етáшиться* – «дружить, водиться с кем-л.» [8], вят., пск., твер., юж.-урал., волог., влад., орл., перм. *съякшиваться* – «знакомиться, сближаться; сдружаться» [20, т. 43, с. 119], перм. *ходиться* – «поддерживать отношения, встречаться, общаться; дружить» (*Мы ходимся с*

имя много годов, на вечера и в гости) [16, т. 2, с. 507], костром., пск. *знáхаться* и пск. *знáхлиться* – ‘иметь общение, водить знакомство, знаться с кем-либо’ [20, т. 11, с. 314], костр. *арташиться* – ‘водить знакомство, дружбу, общаться, знаться’ (Она со мной арташится, знаетса, мы подруги; Ой, да она со мной больше не арташится; Розка-то, вишь, с нами не арташится, она, наверное, и не знает) [8], костром. *кориться к кому-л.* – ‘знаться, общаться’ (Сейчас стали все богаты, друг ко дружке не корятся; Я не пойду туда, и она ко мне – вот и не корятся – все гордые) [8], костр. *гоститься* – ‘дружить семьями, домами, попеременно бывать друг у друга в гостях; постоянно ходить друг к другу в гости’ (С кем гостились, того и звали на свадьбу, и соседи, этот сосед с этим гостилися и звали) [8]. Эти факты соответствуют литературному *общаться* – ‘поддерживать связь, общение, взаимные отношения с кем-, чем-либо’ [22, т. 8, с. 516], разг. *знаться* – ‘водить знакомство, иметь общение с ком-либо’ ([Слезкин] не ходит в гости не делает визитов и знаетса только с двумя-тремя холостыми, пьющими офицерами – Куприн, Свадьба) [22, т. 4, с. 1297], простореч. *якиаться* ‘общаться, дружить’ [22, т. 17, с. 2074];

2) называть добрачные отношения между полами, любовные заигрывания между девушкой и юношей: костр. *дрóлиться* – ‘общаться, дружить (о парнях и девушках)’ (Своих-то парней потеряли, с которыми раньше дрóлились; Дрóля – кавалер, ухажер. Нынче дружат, а раньше – дрóлились. С кем дрóлились?) [8], костр. *макарониться* – ‘находиться в любовных отношениях, общаться с лицом противоположного пола’ (Если кто уж макаронится, ну, дружит с парнем, говорят: Ох, замакаронились!" Загуляли, значит) [8], волог. *заниматься* – ‘дружить, общаться’ (Кто-то из девок и с ребятами занимался) [15, т. 4, с. 138], ср. также краснояр. *Яшкаться* – ‘дружить’ (Раньше ведь долго не яшкались, женились сразу) [18, т. 5, с. 393];

3) передавать смысл ‘беседовать’, обозначая непосредственно акт речевого взаимодействия: новг. *побалабóнить* – ‘поговорить, пообщаться’ [17, т. 4, с. 561], перм. *намайдáниться* – ‘наобщаться, наговориться’ (Намайданимся по вечерам да и спать идем) [16, т. 1, с. 557], бурят. *ябшáться* – ‘общаться; яшкаться’ (Ну вот я с тобой ябшаюсь, разговариваю) [18, т. 5, с. 381], костр. *поарташиться* – ‘пообщаться’ (Поарташились – пообщались, значит) [8];

4) обозначать присоединение к разговору или к делу, к чьим-либо действиям: арх. *общаться* – ‘вмешиваться во что-либо; приобщаться к чему-либо’ [20, т. 22, с. 273], костр. *присутониться* – ‘присоседиться к кому-л.’ (Ты и тут-то присутонилась, подружилась, подмазалась) [8], костр. *арташиться* – ‘общаться, знаться друг с другом (обычно при выполнении определенной работы)’ (Несколько хозяйств соберутся косить, они арташáтся. Навоз возить - тоже арташáлись. Собираются два-три дома, вместе работают, друг другу помочь делают. Вот артель и есть) [8];

5) описывать состояние отношений между родственниками, о чем свидетельствуют контексты к ряз. *гутáрить* – ‘поддерживать общение с кем-либо’ (Мне тошно, сын со мной не гутарит; Они ругаются, ругаются, и опять гутарют) [23, с. 133], волог. *касаться* – ‘общаться, навещать’ (У меня много родственников, да и не касается никто) [17, т. 2, с. 331];

б) передавать смысл 'бывать на людях, выходить из дому': свердл. *вертáться* – 'общаться, поддерживать отношения, встречаться' (*Я мало вертаюсь с обществом*) [19, с. 61];

7) обозначать приобретение известности: перм. *общаться* – 'становиться известным' [20, т. 22, с. 273]. Можно предположить, что приобретение известности осмысляется как вхождение в общество («приобщение»), хотя преодолению гипотетичности этого высказывания препятствует дефицит информации о слове из-за отсутствия контекста.

На основании анализа спектра приведенных глагольных значений можно сделать вывод о том, что под общением в народной культуре понимается пребывание на людях, поддержание связей между семьями (домами) или между друзьями, подкрепление родства доброжелательными отношениями и взаимными контактами, вхождение в общество, добрые отношения между полами, а также беседа («локальный акт» общения). Заметим, что репрезентативность такой выборки снижена из-за необходимости принимать на веру формулировку, предложенную в лексикографическом источнике, в случаях, когда контекст не приведен. Большинство из этих «ипостасей» общения имеют непосредственное отношение к консолидации членов общины, закреплению родственных и добрососедских отношений.

В отличие от литературного языка, в диалектной лексике маркировано (самим фактом номинации) игнорирование форм поддержания социальных и родственных связей: сев.-двин. *чужáться* – 'забывать старых знакомых или родню; переставать ходить к кому-нибудь в гости' (1928) [7], курск. *чюш-чюжанін* – 'человек, который не хочет знать родных, вернувшись домой после долгого отсутствия, неприветлив с семьей; уехав на чужую сторону, не пишет писем родным' (1915) [7], арх. *чужáться* – 'не признавать уз крови и родства' (1928) [7]. В литературном языке для этого явления не существует однословных обозначений, иначе говоря, неподдержание родственных отношений не рассматривается как объект номинации, оставаясь «незамеченным», «неакцентированным» фактом действительности.

По-видимому, в народной культуре социальной нормой для человека видится активность взаимодействий в ближнем соседском социуме, а также с людьми, с которыми он связан узами родства. Такой вывод следует из того, что человек замечает отклонение от нормы в сохранении коммуникативной активности и дает ему название.

Уникальную семантическую нишу в русских народных говорах создают континуанты корня *общ-*, имеющие значение присоединения к кому-либо: *Обобщился ли ты с товарищами?* [5, т. II, с. 654]. Ср. также: *Я отобщился от них* [5, т. II, с. 654]. В современном русском литературном языке, где есть глагол *приобщиться*, при котором реализуется только синтаксическая валентность *к чему-либо*, такие лексемы отсутствуют, как и глагол *общиться*, представленный, например, в архангельских говорах: арх. *общіться* – 'соединяться, объединяться' [20, т. 22, с. 274]. Отметим также, что на синтаксическом уровне глаголы с корнем *-общ-* в некоторых случаях отличает нестандартное управление: *общаться, общиться (чему, кому)* – 'приобщаться, соединяться, быть заодно' (*Общаяся гордому, точен ему будеши; Не общайся гулякам или с гуляками*) [5, т. II, с. 654].

Приведенные лексемы свидетельствуют в пользу того, что центром лексико-семантического поля «Общительность» в той его части, которая составлена диалектными фактами, является семема 'устанавливать или подтверждать общность с ближним окружением, закрепляя добрососедские, родственные, личные связи и способствуя тем самым консолидации общества, т. е. сохранению общинности'. Эта семема вербализована в слове *общаться* и ряде других, по преимуществу диалектных лексем.

Показательно, что центр поля выражает норму – участие в социальных взаимодействиях. Остальные семемы поля располагаются вокруг этой идеи. Лексемы характеризуют представителя общины как выполняющего или не выполняющего это предписание, имеющего постоянный или меняющийся «коммуникативный статус»: брян. *полюднѣть* – 'стать общительным, приветливым' [20, т. 29, с. 186], волгоград. *обайбáчитьсѣ* – 'стать нелюдимым, необщительным' [9], волгоград. *обрастáть вóлчьей шѣрстью* – 'дичать, становиться нелюдимым' [9].

Именная лексика образует ту обширную часть лексико-семантического поля «Общительность», которая организована симметрично (зеркально) в соответствии с семантической оппозицией «общительный (человек) – необщительный (человек)». Каждый полюс оппозиции имеет множество номинативных воплощений в разных подсистемах русского языка.

В литературном языке понятие склонности к общению репрезентируется словами *общительный, компанейский, свойский, артельный* [21, т. II, с. 27], несклонность к общению – словами *необщительный, малообщительный, нелюдимый, замкнутый, дикий* [21, т. I, с. 647], а также *застенчивый, скрытный*, ср. толкования литер. *дикий* 'нелюдимый, застенчивый' [22, т. 3, с. 785], литер. *замкнутый* 'сдержанный, скрытный, необщительный' [22, т. 4, с. 675].

В частности, согласно «Словарю современного русского литературного языка», *общительность* есть 'свойство общительного' [22, т. 8, с. 550], а *общительный* значит 'легко входящий в общение с людьми, склонный к общению, незамкнутый' [22, т. 8, с. 550]. Приведенная дефиниция составлена как ряд характеристик человека, каждая из которых представляет собой семантическую линию: (1) 'контактность, готовность к осуществлению начальной фазы деятельности', (2) 'влечение или задатки к общению как виду деятельности', (3) 'открытость, ориентированность вовне, экстравертность'.

Дефиниции диалектных слов, обозначающих человека, склонного к общению, содержат маркеры 'общительный', 'коммуникабельный', 'компанейский', 'словоохотливый', 'разговорчивый', 'приветливый', 'открытый': волог. *таврѣц* – 'очень разговорчивый, общительный человек' [14, т. 11, с. 4], перм. *хлопуша* – 'словоохотливая, общительная женщина' [16, т. 2, с. 501], арх. *дружный* – 'коммуникабельный, общительный' [15, т. 3, с. 277], арх. *дружный* – 'общительный, компанейский' [20, т. 8, с. 218], тобол. *поводливый* – 'общительный, компанейский' [20, т. 27, с. 250] и др. В определениях слов отмечены такие аспекты общительности, как умение инициировать и поддерживать контакт ('общительный', 'коммуникабельный', 'компанейский'), речевая активность ('словоохотливый', 'разговорчивый'),

благожелательность ('приветливый'), предрасположенность природы к взаимодействиям с другими людьми ('открытый').

В толкованиях диалектных слов, обозначающих человека, не склонного к общению, используются адъективные квалификаторы 'нелюдимый', 'необщительный', 'замкнутый', 'молчаливый', 'неразговорчивый', 'скрытный', 'угрюмый', 'неприветливый': новг. *побóрник* 'нелюдимый, необщительный человек' [17, т. 4, с. 570], новг. *тимтjóк* 'о замкнутом, необщительном человеке' [7], брян. *зуй* 'угрюмый, молчаливый, необщительный человек' [13, с. 124], дон. *бóлдырь* 'нелюдимый, угрюмый человек' [3, с. 49], пск., твер. *сгубина* 'скрытный, замкнутый человек' [20, т. 37, с. 46], волог. *мухóрый* 'неразговорчивый' [17, т. 3, с. 275], карел. *нелюдíмок* 'необщительный, неприветливый человек' [17, т. 3, с. 411] и др.

Кроме того, используются (однако значительно реже) маркеры 'малообщительный', 'некомпанейский', 'диковатый', 'дикий', 'неконтактный', 'тихий': твер. *мамóня* 'угрюмый, малообщительный человек' [24, с. 14], волог. *задвénный* 'о тихом, замкнутом человеке' [17, т. 2, с. 113], арх. *некошнóй* 'необщительный, некомпанейский' [20, т. 21, с. 64], новосиб. *стерх* 'о диковатом, необщительном человеке' [20, т. 41, с. 153], пск., твер. *чужáк* 'дикий, нелюдимый человек' [7], ленингр. *лесовáя дитя* 'упрямый, непослушный, неконтактный ребенок' [17, т. 3, с. 117] и др. Богатство и разнообразие номинативного воплощения негативных понятий – известный феномен теории номинации.

В толкованиях слов подчеркивается избегание общения с людьми ('нелюдимый', 'некомпанейский', 'необщительный'), недрасположенность природы к взаимодействиям с другими людьми, ('замкнутый', 'скрытный'), выражение негативных эмоций, неблагоприятность ('угрюмый', 'неприветливый'), неготовность к контакту, в том числе из культурной неразвитости ('неконтактный', 'диковатый', 'дикий'), скудность вербальных проявлений ('молчаливый', 'неразговорчивый'), недостаток активности ('тихий').

На этапе выявления частотных значений этой сферы не обнаруживается специфичной для русских народных говоров картины, однако интересно, что лексикографы выбирают определение «нелюдимый» чаще, чем какое бы то ни было другое из приведенного ряда прилагательных. Этот выбор симптоматичен в том смысле, что внутренняя форма слова *нелюдимый* в наибольшей степени передает социальный характер обозначаемого качества личности.

Изоморфность понятий, стоящих за общенародным *общительный* и диалектным *людный*, вызывает сомнения. Они представляются нам не вполне взаимозаменяемыми, хотя лексикограф не находит в литературном языке иного инструмента, чем слово *общительный*, для толкования таких слов, как новг. *людíмый* – 'общительный, веселый' [11, т. 5, с. 58], свердл. *людный* – 'общительный' [19, с. 290], пск., твер. *полóдный* – 'общительный, обходительный' [20, т. 29, с. 186] и др.

Такая точка зрения представлена и в книге Е. Л. Березович как итог размышлений о структурных различиях между принадлежащими разным языковым идиомам семантическими полями, объединяющими характеристики

человека по отношению к другим людям. Она отмечает, что в русском языке XVIII–XIX вв. со словом *людскость* связывалось представление не столько о контактности (черте довольно внешней «фатической» и отчасти «темпераментной»), сколько о более глубокой, этически выверенной «настроенности на людей», участливости, доброте [2, с. 99]. В ходе проведения контрастивного анализа диалектной лексики и слов русского литературного языка Е. Л. Березович приходит к выводу о том, что диалектные слова *народный, мирской, общей, соседливый, спарчивый, товаристый, фамильный, сробливый, артельной* и т. д. являются характеристиками человека по его способности жить в обществе, т. е. соответствию социально закрепленным нормам взаимоотношений, складывающимся как в процессе общей работы, так и в традиционном общежитии, в то время как литер. *дружелюбный, открытый, коммуникабельный, открытый, общительный, отзывчивый, внимательный, человечный, заботливый* и т. д. не имеют подтекста негласной «общественной нормы» и служат обозначениями личностных проявлений другого плана [2, с. 26]. В диалектных словах со значением «общительный» семантика «социальной толерантности» [2, с. 101] превалирует над семантикой контактности.

На фоне столь существенных различий между языковой картиной мира носителя народной культуры и мировосприятием носителя современной новой культуры становятся понятными попытки составления описательных дефиниций для слов, обозначающих как общительного, так и необщительного человека: перм. *солюдной* «способный к общению с людьми» [17, т. 2, с. 373], колым. *неприбѣжный людям человек* «не желающий обращаться к другим, нелюдимый человек» [20, т. 21, с. 126], перм. *вѣлюдный* «достойный, порядочный, приличный, приятный в общении» (*Она ведь вѣлюдная девка была, баская, сбаять и сговорить умела*) [17, т. 1, с. 141], пск. *находчивый* «умеющий найти подход к людям, общительный» [12, т. 20, с. 404] и др. В этих языковых фактах подчеркивается не столько склонность или несклонность общаться, сколько социальное признание *людного* человека и асоциальность *нелюдима*.

Е. Л. Березович также отмечает несовершенство толкований, предлагаемых в лексикографических источниках: «Дефиниции, которые даются этим словам собирателями диалектной лексики и словарями, зачастую неточны и «скатываются» на более конкретные смыслы вроде «дружелюбный, приветливый» [2, с. 26]. В поиске литературного эквивалента словам такого рода она обращается к слову *человеческий* «такой, какой должен быть у людей, какой подобает людям», однако, анализируя особенности его семантики, отмечает невозможность его употребления в качестве «онтологической» (постоянной качественной) характеристики человека [2, с. 26].

Таким образом, в современной культуре общительность человека воспринимается как характерная черта его индивидуальности, которая состоит в сочетании умений и природной предрасположенности к определенному стилю поведения в социуме, а в народной культуре – как готовность к соблюдению традиций, правил общежития. Ср.: «В традиционном обществе человек обращен к окружающим прежде всего своими социальными

атрибутами, а не личными свойствами: он член семьи, рода, общины и т. д. Именно социально-общественные и семейно-родственные характеристики и определяют в первую очередь его коммуникативный статус» [1, с. 15].

Учитывая все это, мы считаем возможным констатировать значительную семантическую дистанцию между понятиями, обозначаемыми в русском языке словами *общительный* и *людный*, вслед за Е. Л. Березович, которая завершает свое исследование заключением о том, что «традиционное сознание имеет более высокую степень “социализации”, чем сознание современного носителя книжной культуры» [2, с. 27]. Неслучайно в контексте к пск. *нарóдный* – ‘общительный’ (*Сямья ни народная, людей ни любя*) [12, т. 20, с. 215] присутствует сочетание прилагательного *народный* со словом *семья*. Самой возможностью такого сочетания подтверждается тот факт, что представитель деревенской общины оценивает чужую семью с позиций ее соответствия статусу социальной единицы, которая не должна проявлять асоциальность.

Среди диалектных номинаций, описывающих традиционный социум и взаимодействия в нем, должны быть выявлены слова, значения которых специфичны для данного языкового идиома. Так, слова *людимый*, *народный* [см. выше], а также свердл. *óбщей* ‘общительный’ (*Он людивой, а понятней-то – народной, обишой*) [19, с. 359] концептуально отличаются от литературного слова *общительный*, с которым они ставятся в один ряд, и могут считаться ключевыми понятиями традиционного народного мировоззрения.

В новой культуре общительность рассматривается в «деятельностном» аспекте, расценивается как инструмент достижения личных высот, получения выгоды, ср. примеры из современного публицистического дискурса: *Общительность Лене на пользу: познакомилась с дамой-руководителем, произвела убедительное впечатление и получила хороший заказ на оформление московского ресторана!* («Биржа плюс свой дом», 2002); *В результате Машина общительность была оценена — титул достался именно ей* («Амурский Меридиан», 2004); *Сангвиник — обладает живым, бойким темпераментом, он постоянно стремится к переменам, ему свойственны общительность, быстрота и оперативность в работе* («Марийская правда», 2003) [10].

В народной культуре на первом месте стоит не личная успешность, а успешность встраивания человека в социальную группу, поэтому важна не *общительность* как характеристика яркой и сильной индивидуальности, а *народность*, *людимость* как качество, помогающее человеку подтвердить «свойскость» знанием правил, традиций и «настроеном на общинность». Отсюда множество негативно-оценочных высказываний в отношении необщительных людей (*нелюдимов*), живущих отстраненно, ср. перм. *закожурник* ‘замкнутый, необщительный, скрытный человек’ (*У нас его все как закожурника знают*) [17, т. 1, с. 290]. Конвенциональным поведением, которое во многом определено мерой «людскости» («народности»), человек обеспечивает себе место в социальной структуре общины.

Список литературы

1. Байбурин, А. К. У истоков этикета : Этнографические очерки [Текст] / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1990. – 166 с.

2. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования [Текст] / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
3. Большой толковый словарь донского казачества [Текст] / Ростов. гос. ун-т ; ф-т филологии и журналистики ; каф. общ. и сравнительн. языкознания. – М. : Русские словари : Изд-во Астрель : Изд-во АСТ, 2003. – 608 с.
4. Вежбицка, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке [Текст] / А. Вежбицка // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 2 (4). – С. 6–34.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва: Русский язык, 1981–1982. Репринт с изд. : – М., 1880–1882. – Т. I–IV. – 586 с.
6. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
7. Картотека словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург) [Текст].
8. Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени Первого Президента Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) [Текст].
9. Материалы Словаря донских говоров Волгоградской области [Текст].
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ruscorpora.ru. – Дата обращения: 12.07. 2012. – Загл. с экрана.
11. Новгородский областной словарь [Текст] ; отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород : Изд-во Новгородского государственного педагогического института, 1992–2000. – Вып. 1–13. – 1464 с.
12. Псковский областной словарь (с историческими данными). – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1967–2008. – Вып. 1–20. – 6000 с.
13. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров [Текст] / П. А. Расторгуев ; ред. Е. М. Романович. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
14. Словарь вологодских говоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/files/languages/rus/dictionaries/dialect/> – Дата обращения: 05.08. 2012. – Загл. с экрана.
15. Словарь говоров Русского Севера [Электронный ресурс] ; под ред А. К. Матвеева. – Режим доступа: [http://newstar.rinet.ru/~minlos/Slovar%20govorov%20severa/SGRS%201%20\(a-b\).pdf](http://newstar.rinet.ru/~minlos/Slovar%20govorov%20severa/SGRS%201%20(a-b).pdf) – Дата обращения: 07.09. 2012. – Загл. с экрана.
16. Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. – Вып. 1–2. – 976 с.
17. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст] : в 6 вып. ; гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6. – 1276 с.
18. Словарь русских говоров Сибири [Текст]: в 5 т ; под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 1–5. – 3000 с.
19. Словарь русских говоров Среднего Урала : Дополнения [Текст] ; под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 1996. – 580 с.
20. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] : в 44 т. ; под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. – М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–2011. – Вып. 1–44. – Режим доступа: http://www.twirpx.com/files/languages/rus/dictionaries/slovar_rng/ – Дата обращения: 08.08 2012. – Загл. с экрана.
21. Словарь синонимов русского языка [Текст] : в 2 т. ; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Астрель ; АСТ, 2003. – Т. 1 : А–Н. – 680 с.; Т. 2 : О–Я. – 856 с.

22. Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. – М. : Наука; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т. 1–17. – 13140 с.
23. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) [Текст] ; под ред. И. А. Оссовецкого. – М. : Наука, 1969. – 612 с.
24. Тематический словарь говоров Тверской области [Текст] ; под ред. Т. В. Кирилловой. – Тверь: ТвГУ, 2002–2006. – Т. 1–5. – 928 с.
25. Шаманова, М. В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение») [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. В. Шаманова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 534 с.

SEMEMES OF LEXICO-SEMANTIC FIELD “SOCIALITY” IN RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR NOMINATIVE EMBODIMENT

T. V. Leontieva

Russian State Vocational Pedagogical University
The Department of Russian Language and Speech Culture

The article covers the system organization of the lexico-semantic field “Sociality” in the Russian language. The study data are lexical data of the literary language and Russian folk dialects. The author reveals the peculiarity of the folk world image reconstructed on the basis of the dialect lexemes interpretation. It is concluded that the person’s involvement in the people’s community, close relationships inside the community and the quality allowing the person to build such relationships are extremely important in the rural society. The data that have never been published yet are introduced into scientific use (lexical card catalogue data from the toponymic expedition of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin).

Keywords: *ethnolinguistics, Russian national subdialects, society, sociality.*

Об авторах:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11), e-mail: leotany@mail.ru